

Генеральная Ассамблея

Distr.: Limited
13 July 2010
Russian
Original: French

Комиссия международного права

Шестьдесят вторая сессия

Женева, 3 мая – 4 июня и 5 июля – 6 августа 2010 года

Проект доклада Комиссии международного права о работе ее шестьдесят второй сессии

Докладчик: г-н Стивен Васьяни

Глава IV

Оговорки к международным договорам

Добавление

Содержание

- C.2 Тексты проектов руководящих положений с комментариями к ним, принятые Комиссией в предварительном порядке на ее шестьдесят второй сессии (продолжение)

С.2 Тексты проектов руководящих положений с комментариями к ним, принятые Комиссией в предварительном порядке на ее шестьдесят второй сессии (продолжение)

3.4 Материальная действительность реакций на оговорки¹

1) В отличие от оговорок, для реакций на оговорки Венские конвенции не содержат ни критериев, ни условий материальной действительности, хотя принятие и возражение занимают в них довольно много места как инструменты, посредством которых государства или международные организации дают или отказываются давать свое согласие в отношении действительной оговорки. Тем не менее эти реакции не составляют критериев действительности оговорки, которые могут оцениваться объективно в зависимости от условий, установленных статьей 19 Венских конвенций, и независимо от принятия или возражений, вызванных оговоркой. Они являются средством, с помощью которого государства и международные организации выражают свою точку зрения на действительность оговорки, однако при всем при том действительность (или недействительность) оговорки должна оцениваться независимо от принятия или возражений, которые она вызывает. Эта идея, к тому же, четко изложена в проекте руководящего положения 3.3 (Последствия недействительности оговорки). Вместе с тем, принятие и возражения составляют средство, с помощью которого государства и международные организации выражают свою точку зрения на действительность оговорки, и в силу этого они могут учитываться при решении вопроса о действительности оговорки².

2) Разделение действительности оговорки и реакции на эту оговорку с особой очевидностью проявилось в ходе разработки венского режима в отношении возражений³. Отсюда следует также, что это слово, если ничто не мешает говорить о материальной "действительности" возражения или принятия, имеет иную коннотацию, чем в случае, когда речь идет о самих оговорках: по сути, речь идет о том, могут ли возражение или принятие порождать свои последствия в полном объеме. Именно по этой причине, согласно имеющемуся мнению, руководящие принципы 3.4.1 et 3.4.2 должны были бы находиться не в той части Руководства по практике, которая касается действительности оговорок и связанных с ними односторонних заявлений⁴, а в части, посвященной последствиям оговорок и этих прочих заявлений (четвертая часть Руководства).

¹ Специальный докладчик желает напомнить, что он по-прежнему убежден в том, что этим двум руководящим положениям не место в третьей части Руководства по практике (возможно, за очень редким исключением некоторых возражений "с промежуточным эффектом", носящих весьма гипотетический характер).

² См. комментарий к руководящему положению [4.5.4].

³ См. комментарий к руководящему положению 2.6.3, пункты 4–6.

⁴ См. проект руководящего положения первоначально предложенный Специальным докладчиком: "3.4 Материальная действительность принятия и возражения: Принятие оговорки и возражение против оговорки не подчиняются условиям материальной действительности" (четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, пункт 127).

3.4.1 Материальная действительность принятия оговорки

Прямо выраженное принятие недействительной оговорки само по себе является недействительным.

Комментарий

- 1) Данное руководящее положение построено на той идее, что разделение, вытекающее из Венской конвенции в свете проводившихся в связи с ней подготовительных работ, не является полным и в принципе предполагает, что недействительность оговорки отражается на ее принятии⁵.
- 2) Представляется очевидным, что договаривающиеся государства или международные организации могут свободно принимать оговорку, которая является действительной, при этом действительность такого принятия не может быть поставлена под сомнение⁶. Однако, по мнению большинства членов Комиссии, в случае, когда государство или международная организация принимает материально недействительную оговорку, вопрос стоит иначе.
- 3) Хотя принятие не может определять действительность оговорки, среди юристов существует мнение, что обратного утверждать нельзя:

"Принятие недействительной оговорки теоретически невозможно. Прямо или косвенно запрещенные оговорки согласно статье 19(1) а) и б) не могут быть приняты соответствующим государством. Такие оговорки и принятие этих оговорок не будут порождать правовых последствий. (...) Аналогичным образом несовместимая оговорка согласно статье 19(1) с) должна рассматриваться как не подлежащая принятию, недействительная сама по себе и не порождающая юридических последствий"⁷.

- 4) Комиссия приняла эту точку зрения. Так, она сочла, что прямо выраженное принятие оговорки может иметь последствия если не для самой действительности оговорки, то, по крайней мере, на предшествующем уровне – для оценки этой действительности – в силу того, что такое заявление, которое является результатом добровольного и продуманного акта государства или международной организации, должно будет, по меньшей мере, учитываться толкующей инстанцией при оценке действительности или недействительности оговорки.
- 5) Принцип, установленный руководящим положением 3.4.1, надлежит сопроводить двумя важными замечаниями. Во-первых, – и это следует из самой его формулировки – он применяется лишь к прямо выраженному принятию (которое на практике имеет место весьма редко), но не к молчаливому принятию, которое состоит в отсутствии возражения со стороны договаривающегося государства или договаривающейся международной организации в течение срока, установленного в пункте 5 статьи 20 Венских конвенций⁸. Во-вторых, что дого-

⁵ Согласно теории меньшинства ("последствия"), материальная недействительность оговорки не влечет за собой недействительности ее принятия, но исключает возможность того, что она будет порождать какие-либо последствия (см. руководящее положение [4.5.4]).

⁶ См. ниже, раздел 2.С, руководящее положение 4.1 и комментарий к нему. См. также комментарий к руководящему положению 2.8.3 [Определенно выраженное принятие оговорки], *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 244–247.

⁷ F. Horn, *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*, T.M.C. Asser Instituut, La Haye, 1988, p. 121.

⁸ См. руководящие положения 2.8.1 и 2.6.13.

варивающиеся стороны не могут сделать в индивидуальном порядке, то они могут сделать коллективно – в том смысле, что, по мнению Комиссии, когда все договаривающиеся стороны принимают оговорку, следствием этого единодушия становится согласие с изменением договора⁹.

3.4.2 Материальная действительность возражения против оговорки

Возражение против оговорки, которым государство или международная организация намерены исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой, является действительным только в том случае, если:

- 1) исключенияемые таким образом дополнительные положения имеют достаточную связь с положениями, которых касается оговорка, и¹⁰
- 2) возражение не имеет следствием лишение договора его объекта и его цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения.

Комментарий

1) Руководящее положение 3.4.2 касается лишь особой категории возражений, нередко именуемых возражениями, имеющими "промежуточный эффект", с помощью которых государство или международная организация выражает мнение, что исключение договорных связей должно выходить за рамки того, что предусмотрено в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, при этом не выступая против вступления договора в силу между ним/нею и автором оговорки. Комиссия отметила существование этих возражений, которые можно было бы назвать возражениями "третьего типа", в комментарии к руководящему положению 2.6.1, касающемуся определения возражений против оговорок, но не приняла никакого решения относительно их действительности¹¹.

2) Практика в отношении таких возражений, имеющих промежуточный (или "расширительный") эффект, содержит немного конкретных примеров; тем не менее она существует. Вместе с тем представляется, что это "nueva generación"¹² [новое поколение] возражений возникло исключительно применительно к оговоркам к самой Венской конвенции 1969 года, когда некоторые государства соглашались с тем, что Конвенция вступает в силу между ними самими и авторами оговорок с исключением не только тех положений, которых касались соответствующие оговорки¹³, но и других статей, имеющих связи с

⁹ См. руководящее положение 3.3.4. См. также комментарий к руководящему положению 2.3.1, в частности пункт 8 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10)*, стр. 510) и комментарий к руководящему положению 2.3.5, в частности пункт 7 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10)*, стр. 268).

¹⁰ Предложение Специального докладчика: в тексте на французском языке следует исключить слово "que", которое является излишним. Это замечание не касается текстов на английском и русском языках.

¹¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10)*, стр. 204, пункт 23 комментария к руководящему положению 2.6.1.

¹² R. Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados, Lagunas y ambigüedades del Régimen de Viena*, Universidad de Murcia, 2004, p. 293.

¹³ Как правило, статья 66 Конвенции и приложение к ней (См. оговорки, сформулированные Алжиром (*Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, online <http://treaties.un.org/> (ch. XXIII, 1)), Беларусью (*ibid.*), Китаем (*ibid.*), Кубой, (*ibid.*), Российской Федерацией (*ibid.*), Гватемалой (*ibid.*), Сирией (*ibid.*), Украиной

ними¹⁴. Таким образом, речь идет о возражениях, имеющих более широкий охват, чем возражения "с минимальным эффектом", но при этом авторы возражения не заявляют, что они не связаны договором с автором оговорки. Если одни государства-участники заявили возражения против этих оговорок, ограничившись "презюмируемыми последствиями", предусмотренными пунктом 3 статьи 21 Венской конвенции 1969 года¹⁵, то другие государства – Канада¹⁶, Египет¹⁷, Соединенные Штаты¹⁸, Япония¹⁹, Новая Зеландия²⁰, Нидерланды²¹, Соединенное Королевство²² и Швеция²³ – пожелали, чтобы их возражения породили более значительные последствия, не исключая при этом вступление в силу Венской конвенции в отношениях между ними и делающими оговорки государствами²⁴.

(*ibid.*), Тунисом (*ibid.*) и Вьетнамом (*ibid.*). Болгария, Венгрия, Монголия и Чехословакия сформулировали оговорки в том же направлении, однако в начале 1990-х годов их отозвали (*ibid.*). Германская Демократическая Республика также сформулировала оговорку, исключающую применение статьи 66 (*ibid.*).

- ¹⁴ Речь идет о других положениях части V Венской конвенции, и в частности ее статье 64, касающейся нормы *le jus cogens* (статьи 53 и 64). См. также пункт 9 ниже.
- ¹⁵ Это относится к Германии и Дании (*ibid.*).
- ¹⁶ В отношении оговорки Сирии (*ibid.*).
- ¹⁷ Возражение Египта непосредственно не направлено против какой-либо определенной оговорки, а касается любой оговорки, исключающей применение статьи 66 (*ibid.*).
- ¹⁸ Возражения Соединенных Штатов были сформулированы, прежде чем Соединенные Штаты стали договаривающейся стороной, и касались оговорок Сирии и Туниса (*ibid.*).
- ¹⁹ В отношении любой оговорки, исключающей статью 66 или приложение (*ibid.*).
- ²⁰ В отношении оговорки Туниса (*ibid.*).
- ²¹ В отношении всех государств, сформулировавших оговорки относительно обязательных процедур урегулирования споров в общем виде. Это общее заявление тем не менее было подтверждено более индивидуально в отношении всех государств, фактически сформулировавших такие оговорки (*ibid.*).
- ²² Это предусмотрено в его заявлении от 5 июня 1987 года, и за исключением оговорки Вьетнама.
- ²³ В отношении любой оговорки, исключающей положения, касающиеся урегулирования споров в целом, и оговорок Сирии, Туниса и Кубы в отдельности (*ibid.*).
- ²⁴ Соединенное Королевство заявило возражения с максимальным эффектом в надлежащей форме против оговорок, сформулированных Сирией и Тунисом. Последствия этих возражений Соединенного Королевства, как представляется, однако, были смягчены впоследствии заявлением Соединенного Королевства от 5 июня 1987 года, которое представляет собой своего рода частичное снятие предыдущего возражения (см. проект руководящего положения 2.7.7 и комментарий к нему – *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/63/10)*, стр. 254–256), поскольку его автор не возражает против вступления в силу Конвенции в отношениях между Соединенным Королевством и государством, заявившим оговорку к статье 66 или к приложению, и исключает лишь применение части V в их договорных отношениях. Это заявление, которое было подтверждено в 1989 году (оговорка Алжира) и в 1999 году (оговорка Кубы) гласит, что "в отношении любой другой оговорки, которая предназначена для исключения применения, полностью или частично, положений статьи 66 и в отношении которой Соединенное Королевство уже заявило возражение или которая возникла после оговорки [СССР], Соединенное Королевство не будет считать, что его договорные отношения с государством, которое сформулировало или которое сформулирует такую оговорку, включают положения части V Конвенции, в отношении которых применение статьи 66 устранено с помощью оговорки" (*ibid.*). Тем не менее в 2002 году Соединенное Королевство вновь снабдило свое возражение против оговорки Вьетнама максимальным эффектом, исключая любые договорные отношения с Вьетнамом

Эти государства, по сути, хотели не только исключить применение одного или нескольких положений, которые касаются обязательного урегулирования споров и "к которым относится оговорка", но также не считают себя связанными существенными положениями, к которым процедура или процедуры урегулирования споров применяются в их двусторонних отношениях с государством, делающим оговорку. Так, в возражении Соединенных Штатов против оговорки Туниса к статье 66 а) Венской конвенции говорится, что:

"правительство Соединенных Штатов намерено в момент, когда оно станет участником Конвенции, подтвердить свое возражение... и заявить, что оно не будет считать, что статьи 53 или 64 Конвенции действуют в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Тунисом"²⁵.

3) Хотя Венские конвенции 1969 и 1986 годов прямо не разрешают возражения с промежуточным эффектом, ничто в этих двух конвенциях им не препятствует. Напротив, возражения с промежуточным эффектом, как указывает их название, остаются, так сказать, в определенном "коридоре", в том смысле, что они находятся как раз между двух крайностей, закрепленных венским режимом: они направлены на исключение применения договора в большей степени, чем возражения с минимальным эффектом (пункт 3 статьи 21 Венских конвенций), однако в меньшей степени, чем возражения с максимальным эффектом (пункт 4 в) статьи 20 Венских конвенций)²⁶.

4) Вместе с тем, возникает вопрос о том, что, хотя, в принципе, "[г]осударство или международная организация может формулировать возражение против оговорки независимо от материальной действительности этой оговорки"²⁷, не должны ли эти возражения с промежуточным эффектом в некоторых случаях рассматриваться как не являющиеся действительными.

5) Некоторые авторы предлагают считать, что "эти расширительные возражения по сути являются оговорками (ограниченными *ratione personae*)"²⁸. Такой анализ мог бы получить определенную поддержку с учетом того обстоятельства, что другие государства решили формулировать оговорки в собственном смысле слова, с тем чтобы достичь того же результата²⁹. Это относится к Бельгии, которая сформулировала (впоследствии) оговорку в отношении Венской конвенции, заявив, что:

(*ibid.*). Новая Зеландия также решила снабдить свои возражения против оговорки Сирии максимальным эффектом (*ibid.*).

²⁵ *Ibid.*

²⁶ V. D. Müller, " Article 21 ", in O. Corten et P. Klein (dirs.), *Les Conventions de Vienne sur le droit des traités, Commentaire article par article*, Bruylant, Bruxelles, 2006, pp. 925–926, pars. 67–69.

²⁷ Руководящее положение 2.6.3 (Способность формулировать возражения).

²⁸ См. в частности, J.Sztucki, "Some Questions Arising from Reservations to the Vienna Convention on the Law of Treaties", *German Yearbook of International Law*, 1977, p. 297. Автор по сути предлагает считать этот вид заявлений "возражениями только применительно к первоначальным оговоркам и собственным оговоркам их автора в отношении остального" (*ibid.*, p. 291).

²⁹ Цитируемая ниже оговорка Бельгии по духу мало чем отличается с точки зрения цели и используемого приема от договорных возражений, предусмотренных в проекте руководящего положения 2.6.14. См., в частности, возражение Чили против Венской конвенции 1969 года, цитируемое в комментарии к проекту руководящего положения 2.6.14, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия, Дополнение № 10 (A/63/10)*, стр. 235, пункт 2.

"Бельгийское государство не будет связано статьями 53 и 64 Конвенции в отношениях с любой другой стороной, которая, формулируя оговорку к пункту а) статьи 66, откажется от процедуры урегулирования, закрепленной в этой статье"³⁰.

Отмечалось следующее:

"Поскольку частичное отклонение изменяет содержание договора в отношениях с делающим оговорку государством в той мере, в какой оно выходит за рамки последствий, на создание которых нацелена оговорка, принятие или молчаливое принятие со стороны делающего оговорку государства, как представляется, необходимо для того, чтобы частичное отклонение возымело эффект; в отсутствие такого принятия или молчаливого принятия никакие договорные отношения не устанавливаются между делающим оговорку государством и заявившим возражение государством, которое частично отклонило эти отношения"³¹.

б) Этот анализ оспаривался на том основании, что если строго следовать определению оговорки³², то возражающему государству, которое, как это обычно имеет место, сформулирует свое возражение лишь после того, как оно станет участником договора, будет трудно сделать это в установленный срок, в результате чего оно столкнется с неопределенностями, присущими режиму последующих оговорки³³; при этом – если только вокруг оговорки не будет установлен соответствующий диалог – государство, сделавшее оговорку, будет в принципе не в состоянии успешно ответить на возражение. Кроме того, отмечалось, что подчинять возражения с промежуточным эффектом условиям материальной действительности, в то время как возражения с максимальным эффектом им не подчинены, было бы непоследовательным и что определение и оценка необходимой связи между положениями, юридические последствия которых потенциально исключаются с помощью оговорки и расширительного возражения, в большей мере относятся к вопросу о том, может ли возражение с промежуточным эффектом порождать эффект, желаемый его автором³⁴.

7) Комиссию не убедила эта точка зрения, и она сочла, что эти возражения с промежуточным эффектом, которые в некоторых отношениях представляют собой "контрговорки" (но, естественно, не оговорки в строгом смысле слова), должны соответствовать условиям материальной и формальной действительности и в любом случае не должны лишать договор его объекта и его цели – уже в

³⁰ *Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, préc. note 12, Ch. XXIII, 1.

³¹ G. Gaja, "Unruly Treaty Reservations", in *Le Droit international à l'heure de sa codification, Études en l'honneur de Roberto Ago*, A. Giuffrè, Milan, 1987, p. 326. Voy aussi R. Baratta, *Gli effetti delle riserve ai trattati*, A. Giuffrè, Milan, 1999, p. 385.

³² См. руководящее положение 1.1 (и пункт 1 b) статьи 2 Венских конвенций).

³³ См. раздел 2.3 настоящего Руководства (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10)*, стр. 504–528, и *пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10)*, стр. 266–271).

³⁴ Согласно этому мнению, "[о]дно дело сказать, что возражение с промежуточным эффектом недействительно, а другое – утверждать, что такое возражение не может породить последствия, которые входили в намерение его автора. Получается, что эта проблема не касается действительности возражения и в этой связи ей нет места в части Руководства по практике, посвященной вопросу материальной действительности относящихся к договору заявлений; она относится к той части, которая касается последствий, которые возражение с промежуточным эффектом может фактически породить" (четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, пункт 118).

силу того, что вряд ли есть смысл применять договор, не имеющий ни объекта, ни цели. Именно это отмечено в пункте 2 руководящего положения 3.4.2.

8) С учетом этого было бы также неприемлемо и совершенно несовместимо с принципом консенсуализма³⁵, чтобы государства и международные организации могли использовать оговорку в качестве предлога для того, чтобы по своему усмотрению снабдить свои возражения подробным промежуточным эффектом, исключая всякое положение, которое их не устраивает. Чтобы это продемонстрировать, следует вернуться к истокам возражений с промежуточным эффектом.

9) Как это отмечено выше³⁶, практика этих возражений с промежуточным эффектом главным образом или даже в исключительной степени проявляется в рамках оговорок и возражений к положениям части V Венской конвенции 1969 года и четко вскрывает те причины, которые заставили делающие возражения государства попытаться прибегнуть к ним. Статья 66 Венской конвенции и приложение к ней относительно обязательной примирительной процедуры содержат процессуальные гарантии, которые многие государства считали принципиально важными при принятии Венской конвенции, с тем чтобы предупредить злоупотребление другими положениями части V³⁷. Эта связь была подчеркнута рядом государств, заявивших возражения с промежуточным эффектом, против оговорок к статье 66. Так, Королевство Нидерландов полагает,

"что касающиеся урегулирования споров положения, изложенные в статье 66 Конвенции, представляют собой важный элемент Конвенции и не могут быть отделены от основных норм, с которыми они связаны"³⁸.

Соединенное Королевство еще прямее заявило, что

"[с]татья 66 предусматривает обязательное урегулирование споров в определенных обстоятельствах Международным Судом... или с помощью согласительной процедуры... Эти положения неразрывно связаны с положениями части V, которых они касаются. Их включение было той основой, на которой элементы части V, отражающие прогрессивное развитие международного права, были приняты Венской конференцией"³⁹.

10) Таким образом, реакции ряда государств на оговорки в отношении статьи 66 Венской конвенции 1969 года направлены на сохранение глобального компромисса (пакетной договоренности), который некоторые государства пытались подорвать с помощью оговорок и который, если не прибегать к возражению с максимальным эффектом⁴⁰, мог быть восстановлен только посредством возражения, позволяющего выйти за рамки "обычных" последствий оговорок, предусмотренных Венскими конвенциями⁴¹.

³⁵ См., в частности, комментарий к руководящему положению 3.1.7, особенно пункт 3 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/62/10)*, стр. 86).

³⁶ Пункт 2.

³⁷ J. Sztucki, "Some Questions Arising from Reservations to the Vienna Convention on the Law of Treaties", *German Yearbook of International Law*, vol. 20, 1977, pp. 286–287 (см. также ссылки, данные автором).

³⁸ См. сноску 21 выше – курсив добавлен.

³⁹ Возражение Соединенного Королевства от 5 июня 1987 года в отношении советской оговорки к статье 66 Венской конвенции – курсив добавлен; см. сноску 24 выше.

⁴⁰ См. пункт 4 b) статьи 20 и пункт 3 статьи 21 Венских конвенций.

⁴¹ D. Müller, "Article 21", *op. cit.*, note 26, pp. 927–928, par. 70).

11) Таким образом, как показывает практика в отношении возражений с промежуточным эффектом, должна существовать неразрывная связь между положением, которое стало объектом оговорки, и положениями, юридические последствия которых затрагиваются возражением.

12) Решая вопрос о том, каким образом лучше всего определить эту связь, Комиссия предполагала квалифицировать ее как "органическая", "неразрывная" или "тесная", но в конечном итоге остановилась на прилагательном "достаточная", которое, по ее мнению, не является несовместимым с прилагательными, упомянутыми выше, но которое обладает тем преимуществом, что оно указывает на необходимость учета обстоятельств, присущих каждому конкретному случаю. Кроме того, руководящее положение 3.4.2, по всей видимости, в большей мере относится к сфере постепенного развития международного права, нежели его кодификации в строгом смысле слова; по мнению большинства членов Комиссии, преимущество определения "достаточная" состоит в том, что оно оставляет возможность для внесения уточнений в процессе последующей практики.

13) Предлагались и другие ограничения для действительности возражений с промежуточным эффектом. Так, отмечалось, что представляется логичным исключить возражения, имеющие объектом статьи, к которым запрещено делать оговорки согласно пунктам а) и б) статьи 19 Венских конвенций⁴². Комиссия не отрицает этого, но речь идет о столь гипотетических и незначительных случаях, что конкретно оговаривать их в руководящем положении 3.4.2 не представляется целесообразным.

14) Кроме того, было отмечено, что, поскольку согласно руководящему положению 3.1.9 "[о]говорка не может исключать или изменять юридическое действие договора таким образом, что это противоречит императивной норме общего международного права"⁴³, то же самое должно относиться и к возражениям с промежуточным эффектом. Комиссия не согласилась с этой точкой зрения ввиду того, что, по ее мнению, возражения – даже имеющие промежуточный эффект – не являются оговорками и имеют главной целью свести на нет оговорку и что ее "близости" к положениям, исключаемым возражением⁴⁴, достаточно, чтобы устранить любой риск противоречия норме *jus cogens*.

15) Таким образом, Комиссия сознательно отказалась от упоминания о недействительности возражения в силу того, что оно противоречит норме *jus cogens*. По ее мнению, эта возможность носит чисто гипотетический характер.

16) Совершенно очевидно, что, если возражение направлено на изменение двусторонних договорных отношений между его автором и автором оговорки в том смысле, который может оказаться противоречащим императивной норме международного права (*jus cogens*), такой результат был бы неприемлем. Между тем такая возможность, по всей видимости, исключена: возражение лишь преследует цель – и может лишь – исключить применение одного или нескольких договорных положений. Такое исключение не может "породить" норму, не совместимую с нормой *jus cogens*. Возникает просто-напросто эффект "разлаживания". Таким образом, нормы, применимые в отношениях между автором

⁴² Текст статьи воспроизведен в руководящем положении 3.1 Руководства по практике.

⁴³ Текст этого руководящего положения и комментария к нему – см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/62/10), стр. 100-105.

⁴⁴ См. пункт 1 руководящего положения 3.4.2.

оговорки и автором возражения, в конечном счете никогда не отличаются от норм, которые существовали до заключения договора, и, если применение договора не исключается в целом, от договорных положений, которые не затрагиваются оговоркой. В этих обстоятельствах невозможно представить себе "возражение", которое могло бы нарушить императивную норму.

17) Кроме того, Комиссия при утверждении определения "возражения" отказалась принять решение по вопросу о действительности возражений, которые предназначены для порождения "супермаксимального" эффекта⁴⁵. Речь идет о возражениях, с помощью которых их авторы констатируют не только то, что оговорка не является действительной, но и то, что вследствие этого договор применяется *ipso facto* в целом в отношениях между двумя государствами. Действительность возражений, имеющих супермаксимальный эффект, часто подвергалась сомнению⁴⁶, в частности потому, что "цель такого заявления – не в том, чтобы воспрепятствовать применению договора в целом или положений, которых касается оговорка, в отношениях между двумя сторонами, а в том, чтобы свести на нет оговорку без согласия ее автора. Это выходит далеко за рамки последствий возражений против оговорок, предусмотренных в пункте 3 статьи 21 и пункте 4 б) статьи 20 Венских конвенций. В то время как "в отличие от оговорок, возражения выражают отношение государства не к норме права, а к позиции, принятой другим государством", в данном случае под вопрос ставится сама норма, которая была приемлема для сделавшего оговорку государства; это противоречит самой сути возражений"⁴⁷.

18) Однако, под сомнение ставится не действительность возражения как таковая; проблема, которая возникает в связи с этой практикой, заключается в том, может ли возражение породить то последствие, которого желает его автор⁴⁸, а это далеко не очевидно и зависит, в частности, от действительности самой оговорки⁴⁹. Государство (или международная организация) вполне может заявить возражение и захотеть придать ему супермаксимальный эффект, и это не означает, что возражение может породить такой эффект, который никоим образом не предусмотрен венским режимом. Однако, как признала Комиссия в своем комментарии к проекту руководящего положения 2.6.1 при определении термина "возражение", включив в него, без всяких сомнений, возражения, имеющие супермаксимальный эффект:

"Комиссия имела в виду занять абсолютно нейтральную позицию в отношении действительности последствий [а не возражения], которые ав-

⁴⁵ См. комментарий к проекту руководящего положения 2.6.1 (Определение возражений против оговорок), пункт 24, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10), стр. 204.

⁴⁶ См. восьмой доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/535/Add.1, пункты 97 и 98 и сноска 154. См. также комментарий к руководящему положению 2.6.1, в частности пункты 24 и 25, (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10), стр. 204-205.

⁴⁷ Там же, пункт 97.

⁴⁸ См. восьмой доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/535/Add.1, пункт 95 и комментарий к руководящему положению 2.6.1, пункт 24, (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10), стр. 204.

⁴⁹ См. руководящие положения 4.3.4 и [4.5.3] ниже.

тор возражения намерен получить с помощью своего возражения. Этот вопрос относился к рассмотрению последствий возражений"⁵⁰.

19) Кроме того, следует все же еще раз подчеркнуть, что возражение не может быть правомерно сформулировано, если его автор предварительно принял оговорку, против которой оно формулируется. Хотя это условие можно было бы включить в качестве условия материальной действительности возражения, его можно также рассматривать как вопрос формы или формулирования. Именно поэтому в проекте руководящего положения 2.8.12 (Окончательный характер принятия оговорки) предусматривается: "Принятие оговорки не может быть ни снято, ни изменено". Повторять это в данном руководящем положении представляется нецелесообразным.

3.5 Материальная действительность заявления о толковании

Государство или международная организация могут формулировать заявление о толковании, если только заявление о толковании не запрещено договором или не является несовместимым с императивной нормой общего международного права.

Комментарий

1) В Венских конвенциях не содержится правил относительно заявлений о толковании как таковых, включая, разумеется, условия действительности этих односторонних заявлений. В этом отношении, как и во многих других, они отличаются от оговорок, и просто-напросто приравнивать их к оговоркам нельзя. Руководящее положение 3.5 и следующие за ним руководящие положения нацелены на то, чтобы устранить эту лакуну в отношении действительности таких инструментов, причем в этом контексте следует проводить различие между "простыми" заявлениями о толковании (руководящее положение 3.5) и условными заявлениями о толковании, которые в этом плане подчиняются правовому режиму оговорок (руководящие положения 3.5.2 и 3.5.3), что не означает того, что речь идет об оговорках, хотя возможны случаи, когда одностороннее заявление, представленное его автором как заявление о толковании, по сути является настоящей оговоркой; в таком случае его действительность должна оцениваться согласно правилам, применимым к оговоркам (руководящее положение 3.5.1).

2) Определение заявлений о толковании, данное в проекте руководящего положения 1.2 (Определение заявлений о толковании), также ограничивается описанием этого явления в позитивной формулировке:

"Заявление о толковании" означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым названием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает уточнить или разъяснить смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям"⁵¹.

3) Тем не менее это определение, как уточняется в комментарии, "никоим образом не предопределяет ни действительности, ни действия подобных заявлений и... применительно к заявлениям о толковании требуются те же предосторожности, что и предусмотренные в случае оговорок: предложенное опреде-

⁵⁰ См. комментарии к проекту руководящего положения 2.6.1 (Определение возражений против оговорок), пункт 25, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10), стр. 205.

⁵¹ Ежегодник... 1999 год, том II, часть вторая, стр. 113.

ление не предрешает правомерности и последствий этих заявлений с точки зрения применимых к ним норм"⁵².

4) Можно, однако, спросить, может ли заявление о толковании быть действительным или не может – вопрос, который явно отличается от вопроса о том, чем является одностороннее заявление: заявлением о толковании или оговоркой. И действительно, одно дело определять, направлено ли одностороннее заявление на то, чтобы "уточнить или разъяснить смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям", что соответствует определению заявлений о толковании, и другое – выяснять, является предложенное таким образом толкование действительным, или, иными словами, является ли действительным "смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям".

5) Вне всяких сомнений, действительность заявлений о толковании может быть предусмотрена самим договором⁵³; на практике такая возможность встречается весьма редко, однако она не исключена. Таким образом, содержащийся в договоре запрет в отношении любых заявлений о толковании лишает действительности любое заявление, сделанное с целью "уточнить или разъяснить смысл или значение" договора или отдельных его положений. Примером положения такого рода является статья XV.3 Соглашения о свободной торговле, заключенного между Канадой и Коста-Рикой в 2001 году⁵⁴. Впрочем, примеры не ограничиваются только двусторонними договорами. Третий проект соглашения о Панамериканской зоне свободной торговли от ноября 2003 года, который по сей день по сути так и остался проектом, в статье XXIV.4 предусматривает следующее:

"Никакие оговорки [никакие односторонние заявления о толковании] не могут делаться в отношении какого бы то ни было положения, предусмотренного в настоящем соглашении в момент его ратификации"⁵⁵.

6) Можно также предположить, что некий договор запрещает только формулирование отдельных заявлений о толковании в отношении отдельных своих положений. Однако в договорной практике можно обнаружить запреты более общего характера, которые, прямо не запрещая конкретное заявление, ограничивают возможность сторон толковать договор тем или иным образом. Отсюда следует, что, если договор не должен толковаться определенным образом, заявления о толковании, которые содержат запрещенное толкование, являются недействительными. Примеры таких запретительных положений можно обнаружить в Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года, пункт 1 статьи 4 которой гласит:

⁵² Там же, стр. 120, пункт 33 комментария. Термин "правомерность", употребленный в 1999 году, должен теперь (поскольку речь идет об оговорках) пониматься как означающий "действительность" – слово, которое, по мнению Комиссии, в большей степени подходит ко всем случаям (см. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/60/10), пункт 345).

⁵³ M. Neumann, *Einseitige Interpretationserklärungen zu multilateralen Verträgen* [Déclarations interprétatives unilatérales aux traités multilatéraux], Duncker & Humblot, Berlin, 2005, p. 114.

⁵⁴ "Статья XV.3 – Оговорки: К настоящему соглашению не могут делаться односторонние оговорки или односторонние заявления о толковании" (см. по адресу http://www.sice.oas.org/Trade/cancr/English/text3_e.asp).

⁵⁵ См. сайт ПЗСТ по адресу http://www.ftaa-alca.org/FTAADraft03/ChapterXXIV_f.asp. [Скобки фигурируют в цитируемом тексте].

"Ничто в настоящей Хартии *не должно толковаться* как ограничение или нарушение каких-либо прав, гарантируемых Европейской конвенцией о правах человека".

И в статье 5 предусмотрено:

"Ничто в настоящей Хартии *не может толковаться* как подразумевающее право на участие в какой-либо деятельности или осуществление каких-либо действий, противоречащих целям Устава Организации Объединенных Наций или другим обязательствам по международному праву, включая принцип суверенитета и территориальной целостности государств".

7) Аналогичным образом статьи 21 и 22 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года ограничивают также возможность давать толкование последней:

Статья 21

Ничто в настоящей Рамочной конвенции не может быть истолковано как подразумевающее какое-либо право любого лица заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, противоречащие основополагающим принципам международного права, особенно принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств.

Статья 22

Ничто в настоящей Рамочной конвенции не может быть истолковано как ограничивающее или ущемляющее какие-либо права человека и основные свободы, которые могут быть признаны в соответствии с законодательством любой договаривающейся стороны или любого другого договора, участником которого является данная договаривающаяся сторона.

8) Эти примеры показывают, что запрещение заявлений о толковании, предусмотренное руководящим положением 3.5, может быть как прямым, так и косвенным.

9) Помимо конвенционных запретов в отношении односторонних заявлений о толковании, Комиссия считает, что нужно отметить еще один признак материальной недействительности заявления о толковании – вступление в противоречие с императивной нормой общего международного права (*jus cogens*).

10) Хотя конкретных случаев, когда какая-либо сторона предъявляла бы претензии к автору заявления о толковании по поводу того, что оно противоречит императивной норме, по всей видимости, не было, нельзя исключать, что такая проблема может возникнуть в будущем. Это имело бы место в том случае, если бы, например, государство – участник Конвенции против пыток пожелало признать законный характер некоторых форм пыток под прикрытием толкования или если бы какое-либо другое государство, являющееся участником Конвенции о геноциде, интерпретировало эту Конвенцию как не охватывающую некоторые формы геноцида – хотя для таких гипотетических случаев было отмечено, что эти якобы "толкования" могли бы расцениваться как оговорки и подпадать под действие руководящего положения 3.5.1.

11) Именно по этой причине Комиссия, несмотря на наличие противоположной точки зрения, не сочла нужным предусмотреть в руководящем положении 3.5 вероятность того, что "заявление о толковании" будет несовместимым с объек-

том и целью договора: это было бы возможно лишь в том случае, если бы заявление можно было расценивать как оговорку, поскольку такие заявления по определению направлены не на изменение юридического действия договора, а лишь на его уточнение или разъяснение⁵⁶. Эта вероятность охвачена руководящим положением 3.5.1.

12) Кроме того, в силу уже иных причин Комиссия, несмотря на противоположную позицию некоторых ее членов, не согласилась с тем, чтобы объявить недействительным "объективно неправильное" толкование – например, такое, которое противоречит толкованию, данному международной инстанцией, которой передан рассматриваемый вопрос.

13) Само собой разумеется, толкование может считаться обоснованным или необоснованным, хотя в принципе трудно определить, прав или не прав его автор, пока уполномоченный орган не выскажется по поводу толкования договора. Толкование остается процессом в высшей степени субъективным, и редко, чтобы какое-либо правовое положение или договор в целом имели лишь какое-то одно приемлемое толкование. "Толкование документов есть в определенной степени искусство, а не точная наука"⁵⁷.

14) Как подчеркивал Келсен:

"Если под толкованием понимать определение смысла применяемой нормы, то результат этой деятельности может заключаться лишь в определении рамок, созданных этой нормой, и вследствие этого в констатации различных возможных вариантов их заполнения. Таким образом, толкование нормы не обязательно приводит к единому решению, которое будет единственно верным. Оно может дать несколько вариантов решений, одинаково приемлемых с правовой точки зрения"⁵⁸.

Отмечалось также:

"Процесс толкования [в международном праве] лишь в исключительных случаях централизован, либо с помощью судебного органа, либо иным способом. Правом давать толкование обладают субъекты в целом и каждый из них в отдельности. Возникающее в этой связи разнообразие способов толкования лишь отчасти компенсируется их иерархией. Односторонние толкования в принципе являются равноценными, а коллективные способы – факультативными и поэтому даже случайными. Однако не следует переоценивать практические трудности. Речь идет не столько о принципиальном несовершенстве международного права, сколько об одной из составляющих его природы, которая в полной мере ориентирует

⁵⁶ Ежегодник... 1999 год, том II, часть вторая, стр. 117, пункт 16 комментария к проекту руководящего положения 1.2. См. также знаменитое заявление Международного Суда в его заключении относительно толкования мирных договоров, заключенных с Болгарией, Венгрией и Румынией (консультативное заключение от 18 июля 1950 года, C.I.J. Recueil 1950, p. 229. См. также C.I.J., arrêt du 27 août 1952, *Droits des ressortissants des États-Unis d'Amérique au Maroc (France c. États-Unis d'Amérique)*, C.I.J. Recueil 1952, p. 196).

⁵⁷ Ежегодник... 1966 год, том II, стр. 238 французского текста, пункт 4. См. также A. Aust, *Modern Treaty Law and Practice*, 2ème éd., Cambridge University Press, 2007, p. 230.

⁵⁸ H. Kelsen, *Théorie pure du droit*, 2ème éd., adaptée de l'allemand par H. Thévenaz, Éd. de la Baconnière, Neuchâtel, 1988, p. 151.

его в направлении постоянных переговоров, которые действующие нормы позволяют рационализировать и направлять"⁵⁹.

15) Таким образом, признано, что "в силу своего суверенитета каждое государство имеет право указывать смысл, который оно придает договорам, участником которых оно является, в том что касается его самого"⁶⁰. Если государства имеют право в одностороннем порядке толковать договоры, они также должны иметь право сообщать свою точку зрения в отношении толкования договора или отдельных его положений.

16) Международное право, между тем, не содержит никаких критериев, позволяющих однозначно определить, является ли предложенное толкование обоснованным. Безусловно, существуют определенные способы толкования (см. прежде всего статьи 31–33 Венских конвенций), однако речь идет лишь об ориентирах в отношении способов, позволяющих обнаружить "правильное" толкование, при этом окончательный "объективный" (или "математический") критерий обоснованности толкования из них извлечь невозможно. Так, в пункте 1 статьи 31 Венских конвенций уточняется, что "договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора". Это уточнение никоим образом не представляет собой критерий обоснованности, и в еще меньшей степени – условие действительности толкований договора, а является лишь средством, позволяющим выявить одно из толкований. На этом дело и кончается.

17) В международном праве ценность толкования оценивается не в зависимости от его содержания, а в зависимости от его авторитетности. Преобладает не "правильное" толкование, а толкование, которое было дано либо всеми сторонами договора (тогда речь идет об "аутентичном" толковании), либо органом, уполномоченным давать толкование договора, которое является обязательным для его сторон. Было бы целесообразно напомнить в этой связи насыщенное полезными моментами заключение Постоянной палаты 1923 года по делу *Jaworzina*. Хотя Палата была убеждена в необоснованности толкования, принятого Конференцией послон, она рассматривала эту проблему не как вопрос о действительности, а рассуждала с точки зрения противопоставимости. Она заявила следующее:

И даже если оставить в стороне нормы, регулирующие аутентичное толкование юридических текстов, ясно то, что невозможно придавать решающее значение мнению авторов какого-либо текста, когда это мнение, возникшее после составления данного текста, противоречит мнению, которое они излагали в тот момент. Более того, мы вправе отвергать авторитетность такого мнения, когда (как это имеет место в данном случае) между моментом, когда оно было сформулировано, и моментом, когда было принято само толкуемое решение, прошло свыше двух лет⁶¹.

18) Международное право в целом и право договоров в частности не устанавливают каких-либо условий действительности для толкования в целом и заявлений о толковании в частности. В нем существует лишь понятие противо-

⁵⁹ J. Combacau et S. Sur, *Droit international public*, 8e éd., Montchrestien, Paris, 2008, p. 171.

⁶⁰ P. Daillier, M. Forteau et A. Pellet, *Droit international public*, 8ème éd., L.G.D.J., Paris, 2009, p. 277, par. 164. Voir également Ch. Rousseau, *Droit international public*, t. I, *Introduction et Sources*, Sirey, Paris, 1970, p. 250.

⁶¹ Avis consultatif du 6 décembre 1923, C.P.J.I., *Série B*, n° 8, p. 38.

поставимости толкования или заявления о толковании, которое раскрывается с полной силой при определении последствий заявления о толковании⁶². В отсутствие каких бы то ни было условий в отношении действительности "простые заявления о толковании, следовательно, являются в принципе приемлемыми"⁶³, при этом говорить о действительности или недействительности неуместно, помимо случая, когда в самом договоре устанавливается критерий на этот счет⁶⁴.

19) Справедливо отмечалось следующее:

"Международное право не знает пределов для формулирования простых заявлений о толковании, поскольку договоры, независимо от места их положения в иерархии международного права, толкуются в принципе децентрализованным образом и должны в течение всего срока их существования применяться и, следовательно, толковаться. Таким образом, пределы в отношении приемлемости простых заявлений о толковании могут вытекать только из самого договора. Это означает, что простое заявление о толковании запрещено или что его формулировка ограничена во времени лишь в том случае, если соответствующий договор содержит специальные правила на этот счет"⁶⁵.

20) Кроме того, Комиссия сочла, что, несмотря на противоположное мнение, в контексте оценки действительности заявлений о толковании нельзя скатываться к вопросу об ответственности – что исключает руководящее положение 3.3.1 применительно к оговоркам. Однако это имело бы место в отношении заявлений о толковании, если бы было сочтено, что "неправильное" толкование представляет собой международно противоправный акт, составляющий "нарушение" статей 31 и 32 Венских конвенций.

3.5.1 Материальная действительность заявления о толковании, являющегося в сущности оговоркой

Действительность одностороннего заявления, представленного в качестве заявления о толковании, но представляющего собой в сущности оговорку, должна оцениваться в соответствии с правилами руководящих положений 3.1–3.1.13.

Комментарий

1) Раздел 1.3 Руководства по практике касается вероятности того, что "заявление о толковании" направлено на причинение ущерба юридическим последствиям одного из положений договора или договора в целом⁶⁶. В этом случае речь идет не о заявлении о толковании, а об оговорке, которая должна рассматриваться как таковая и в этой связи подчиняться условиям материальной (и формальной) действительности оговорок.

⁶² См. руководящие положения [4.7, 4.7.1 – 4.7.3].

⁶³ М. Неуманн, *op. cit.*, note 53, p. 113.

⁶⁴ См. пункты 5 – 8 выше.

⁶⁵ М. Неуманн, *op. cit.*, note 53, p. 116.

⁶⁶ При том понимании, что для изменения характера заявления о толковании недостаточно того, чтобы какое-либо другое государство или какая-либо международная организация "переквалифицировал/переквалифицировала" его в оговорку (см. руководящее положение 2.9.3 (Переквалификация заявления о толковании) и комментарий к нему – *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 274-279).

2) Арбитраж, который должен был разрешить спор между Французской Республикой и Соединенным Королевством относительно делимитации континентального шельфа в Ируазском море, такой подход подтвердил. Соединенное Королевство утверждало в арбитраже, что третья оговорка Франции к статье 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе представляла собой лишь заявление о толковании, с тем чтобы благодаря этому сделать невозможной ссылку на это толкование в его отношении. Арбитраж не принял этот аргумент и решил, что заявление Франции не ограничивалось простым толкованием, а было сделано для того, чтобы изменить сферу применения статьи 6, и поэтому речь шла как раз об оговорке, как и утверждала Франция:

"Судя по формулировке, это условие, как представляется, выходит за рамки простого толкования. Применение этой системы по сути подчинено принятию другим государством районов, обозначенных Французской Республикой как районы, к которым относится понятие "особых обстоятельств", независимо от легитимности или нелегитимности этого обозначения указанных районов в соответствии со статьей 6. Подпункт d) пункта 1 статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров, в отношении которого стороны признают, что в нем правильно определены оговорки, гласит, что выражение "оговорка" означает "одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством, ...посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству". Это определение не ограничивает оговорки заявлениями, призванными исключить или изменить сами положения договора; оно охватывает также заявления, призванные исключить или изменить юридическое действие отдельных положений в их применении к государству, делающему оговорку. Арбитраж считает, что именно в этом и заключается цель третьей оговорки Франции, и в этой связи приходит к выводу, что данная "оговорка" [sic: "заявление"?] должна рассматриваться как "оговорка", а не как «заявление о толковании»⁶⁷.

3) Хотя часто бывает так, что государства подтверждают или дают понять, что предлагаемое другим государством толкование не соответствует объекту и цели данного договора⁶⁸, заявление о толковании не может по самой своей сути противоречить договору или его объекту и цели. Если это не так, то мы имеем дело с оговоркой, о чем свидетельствует большое число реакций государств на "заявления толкований"⁶⁹. Реакция Испании на "заявление", сформулированное

⁶⁷ Sentence arbitrale du 30 juin 1977, *R.S.A.*, vol. XVIII, pp. 169-170, par. 55 (курсив фигурирует в цитируемом тексте).

⁶⁸ См., например, реакцию Германии на заявление о толковании Польши к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (*Recueil des Traités européens*, n° 024 (<http://conventions.coe.int>)) или опять же реакцию Германии на заявление Индии, содержащее толкование статьи 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (*Traités multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, voir *supra* note 13, ch. IV, 3 et 4).

⁶⁹ Помимо примера реакции Испании, о которой речь шла выше, см. возражение Австрии на "заявление о толковании" Пакистана к Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1977 года и аналогичные реакции Германии, Австралии, Канады, Дании, Финляндии, Франции, Испании, Соединенных Штатов, Индии, Израиля, Италии, Японии, Норвегии, Новой Зеландии, Нидерландов, Соединенного Королевства и Швеции (*Traités multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, préc. note 13, chap. XVIII, 9). См. также реакции Германии и

Пакистаном при подписании Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, также четко обнаруживает различные стадии мотивирования в случаях, когда предлагаемое "толкование" на самом деле является изменением договора, противоречащим его объекту и цели. Прежде всего необходимо квалифицировать заявления, и лишь затем к нему можно будет применять условия материальной действительности (*оговорка*):

"Правительство Королевства Испания изучило заявление, которое правительство Исламской Республики Пакистан сделало 3 ноября 2004 года при подписании Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1996 года.

Правительство Королевства Испания напоминает, что любое одностороннее заявление государства, предназначенное для того, чтобы исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора в применении к этому государству, независимо от присвоенного ему наименования, представляет собой оговорку.

Правительство Королевства Испания считает, что заявление правительства Исламской Республики Пакистан, которое ставит применение положений Пакта в зависимость от положений его конституции, представляет собой оговорку, направленную на ограничение юридического действия Пакта в его применении к Исламской Республике Пакистан. Оговорка, которая содержит общую ссылку на внутреннее право без уточнения объема, не позволяет с точностью определить, в какой степени Исламская Республика Пакистан принимает на себя обязательства, вытекающие из Пакта, и заставляет сомневаться в ее приверженности его объекту и цели.

Правительство Королевства Испания полагает, что заявление правительства Исламской Республики Пакистан, которое подчиняет обязательства, вытекающие из Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, положениям его конституции, представляет собой оговорку, не совместимую с объектом и целью Пакта.

Согласно международному обычному праву, кодифицированному в Венской конвенции о праве международных договоров, оговорки, не совместимые с объектом и целью договора, не допускаются.

Вследствие этого правительство Королевства Испания заявляет возражение против оговорки правительства Исламской Республики Пакистан к Пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Это возражение не является препятствием для вступления в силу Пакта в отношениях между Королевством Испания и Исламской Республикой Пакистан"⁷⁰.

- 4) Таким образом, речь не идет о проблеме «действительности» заявлений о толковании. Эти односторонние заявления на самом деле являются оговорками и вследствие этого должны рассматриваться как таковые, в том числе с точки

Нидерландов на одностороннее заявление Малайзии (*ibid.*) или также реакции Германии, Финляндии, Нидерландов и Швеции на "заявление о толковании" Уругвая к Статуту Международного уголовного суда (*ibid.*, ch. XVIII, 10). Другие примеры переквалификации см. комментарий к руководящему положению 1.2, *Ежегодник...* 1999 год, том II, часть вторая, стр. 116, примечание 328.

⁷⁰ *Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, préc. note 13, chap. IV, 3.

зрения их материальной и формальной действительности. Европейский суд по правам человека фактически воспринял эту мотивировку в своем постановлении по делу *Белилос против Швейцарии*. Переквалифицировав заявление Швейцарии в оговорку, он применяет к нему условия материальной действительности *оговорок* согласно Европейской конвенции о правах человека:

"Для определения юридического содержания такого "заявления", необходимо посмотреть не только на заголовок и попытаться определить материальное содержание. В данном случае выясняется, что Швейцария намеревалась изъять из-под действия пункта 1 статьи 6 (статья 6-1) отдельные категории споров и застраховаться от чересчур широкого, по ее мнению, толкования этой статьи. Однако Суд должен следить за тем, чтобы вытекающие из Конвенции обязательства не подвергались ограничениям, которые не соответствуют требованиям статьи 64 (статья 64) в отношении оговорок. В этой связи он рассмотрит в свете этого положения, как в случае оговорки, действительность заявления о толковании, о котором идет речь"⁷¹.

3.5.2 Условия материальной действительности условного заявления о толковании

Материальная действительность условного заявления о толковании должна оцениваться в соответствии с правилами руководящих положений 3.1–3.1.13.]

[Комментарий

1) Согласно определению условных заявлений о толковании, содержащемуся в проекте руководящего положения 1.2.1, речь идет о следующем:

"одностороннее заявление, сделанное государством или международной организацией при подписании, ратификации, акте официального подтверждения, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, или когда государство направляет уведомление о правопреемстве в отношении договора, посредством которого это государство или эта международная организация ставит свое согласие на обязательность этого договора в зависимость от оговоренного толкования договора или определенных его положений..."⁷².

2) Таким образом, особенность заявления о толковании такого типа заключается не в том обстоятельстве, что оно предлагает определенное толкование, а в том, что оно обуславливает согласие его автора быть связанным договором⁷³. Именно этот последний элемент – обусловленность – и сближает условные заявления о толковании с оговорками.

3) Однако проблематика действительности условных заявлений о толковании, по всей видимости, а priori лишь незначительно отличается от проблематики действительности "простых" заявлений о толковании, и представляется неоправданным подчинять формулирование условных заявлений о толковании каким-то иным условиям действительности, чем условия, применимые к "простым" заявлениям о толковании⁷⁴. Из его определения четко следует, что такое

⁷¹ Arrêt du 29 avril 1988, *Série A*, vol. 132, par. 49, p. 24.

⁷² *Ежегодник...* 1999 год, том II, часть вторая, стр. 120–124.

⁷³ Там же, стр. 123, пункт 16 комментария.

⁷⁴ См. комментарий к руководящему положению 3.5 выше.

заявление направлено не на то, чтобы изменить договор, а лишь на то, чтобы истолковать одно или несколько из его положений определенным образом.

4) Однако положение существенным образом меняется, когда выясняется, что предложенное автором условного заявления о толковании толкование не соответствует толкованию договора, вытекающему из соглашения сторон. В этом случае сформулированные автором заявления условия, уточняющие, что он не считает себя связанным договором, если последний толкуется иным образом, значительно сближают это одностороннее заявление с оговорками. Франк Хорн выразил следующее мнение:

Если государство не желает отказываться от своего толкования, несмотря на противоположное авторитетное решение суда, оно может столкнуться с риском нарушения договора при применении своего собственного толкования. Во избежание этого ему нужно было бы уточнить, что его толкование является абсолютным условием его участия в договоре. Характер заявления как оговорки устанавливается в тот же момент, когда устанавливается, что предлагаемое толкование является неверным⁷⁵.

5) Таким образом, любое условное заявление о толковании потенциально представляет собой оговорку – оговорку, обусловленную определенным толкованием. Это четко следует из наиболее красноречивого примера условных заявлений о толковании – заявления, которым Французская Республика обусловила свое согласие на обязательность посредством подписания Дополнительного протокола II к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко), где уточняется:

"Если толковательное заявление, сделанное таким образом правительством Франции, оспаривается полностью или частично одной или несколькими сторонами, участвующими в Договоре или в Протоколе II, то означенные документы не имеют силы в отношениях между Французской Республикой и оспаривающим государством или государствами"⁷⁶.

Иными словами, Франция намеревается исключить применение договора в своих отношениях с государствами-участниками, которые не примут ее толкование договора, – в точности так, как будто речь шла об оговорке.

6) Хотя здесь речь идет лишь о потенциальной возможности, представляется очевидным, что такое заявление подчиняется условиям материальной действительности, изложенным в статье 19 Венских конвенций. Хотя на первый взгляд можно фактически считать, что автор условного заявления о толковании лишь предлагает конкретное толкование (подчиняющееся лишь условиям действительности, указанным в руководящем положении 3.5), последствия такого одностороннего заявления, тем не менее, ставятся их автором в зависимость от условия, чтобы одно или несколько положений договора не толковались определенным образом.

⁷⁵ F. Horn, *op. cit.*, note 7, p. 326.

⁷⁶ Это заявление было подтверждено при ратификации в 1974 году [RTNU, vol. 936, p. 420 (n° 9068)]. См. также комментарий к руководящему положению 2.9.10 (Реакции на условные заявления о толковании), *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 291, пункт 1 комментария.

7) Сознательное решение Нидерландов сформулировать оговорки к Международному пакту о гражданских и политических правах, а не заявления о толковании, хорошо отражает большое сходство обеих демаршей:

"Королевство Нидерландов уточняет, что, хотя изложенные оговорки отчасти носят толковательный характер, оно решило сформулировать во всех случаях оговорки, а не заявления о толковании, с учетом того, что, если будет использована эта последняя форма, могло бы возникнуть сомнение в том, что текст Пакта допускает предлагаемое толкование. Используя форму оговорок, Королевство Нидерландов хотело бы обеспечить во всех случаях, чтобы указанные обязательства, вытекающие из Пакта, к нему не применялись или применялись к нему лишь указанным образом"⁷⁷.

8) В связи с этим представляется неизбежным, что к этим условным заявлениям о толковании должны применяться те же условия действительности, что и условия, которые применяются к оговоркам. Применение (превентивного характера) условий статьи 19 Венских конвенций, однако, является делом непростым, пока не будет установлено, что толкование, предложенное автором толкования, является необоснованным и не соответствует аутентичному толкованию договора.

9) По этому вопросу имеется две взаимно противоположных позиции. Согласно одной точке зрения, до тех пор, пока точный статус такого заявления о толковании не определен или не может быть определен, такое условное заявление о толковании должно соответствовать как условиям действительности заявления о толковании (в гипотетическом случае, когда толкование, как выясняется, поддерживается другими сторонами или подтверждается компетентным в этой области органом), так и условиям действительности оговорки (для потенциального случая, когда предлагаемое толкование отклоняется). До тех пор, пока не будет определено точное толкование, условное заявление о толковании остается в юридическом вакууме, и невозможно определить, какие нормы к нему следует применять: нормы, касающиеся действительности заявления о толковании, или нормы, касающиеся действительности оговорки. Обе эти возможности потенциально сохраняются. Согласно этой точке зрения, хотя договор может запрещать формулирование оговорок к своим положениям, отсюда не следует, что государство не может обусловить свое согласие на обязательность договора определенным толкованием этого договора. Если это толкование окажется обоснованным и соответствующим аутентичному толкованию договора, то речь идет о настоящем заявлении о толковании, которое неизбежно должно соответствовать условиям действительности заявлений о толковании, но только этим условиям. Если же толкование не выражает правильного смысла договора и поэтому отклоняется, автор "заявления о толковании" считается связанным договором лишь на условии, что это последнее будет изменено в соответствии с его пожеланиями. В этом последнем случае "условное заявление" представляется как оговорка и должно соответствовать условиям действительности, относящимся к оговоркам.

10) Согласно другой точке зрения, с которой в конечном итоге согласилась Комиссия, условные заявления о толковании с самого начала должны рассматриваться как оговорки. Поскольку государство, делающее заявление, устанавливает в качестве условия для своего согласия быть связанным договором особо оговоренное толкование его положений, оно тем самым исключает любое

⁷⁷ *Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, préc. note 13, chap. IV, 4.

другое толкование – будь то правильное или неправильное, и это условие должно быть сразу приравнено к оговорке. Так, статья 309 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву запрещает любую оговорку, тем самым исключая возможность того, чтобы государство обусловливало принятие Конвенции каким-либо определенным толкованием тех или иных ее положений. Если, например, выражая свое согласие быть связанным Конвенцией, какое-либо государство желает указать, что, по его мнению, один из его островов является скалой по смыслу пункта 3 статьи 121 Конвенции, оно может сделать это посредством простого заявления о толковании, но если оно обусловливает свое участие в Конвенции принятием этого толкования, то здесь речь будет идти об оговорке, которая должна рассматриваться как таковая, и в этом случае следует обращаться к руководящему положению 3.5.1.

11) Однако эта проблема во многом остается теоретической. Так, даже если судить с позиции, которой придерживается меньшинство⁷⁸, в случае, когда договор запрещает формулирование заявлений о толковании, условное заявление о толковании, в котором предлагается "правильное" толкование, логически должно рассматриваться как недействительное, однако результат как раз один и тот же: толкование автора заявления принимается (в противном случае условное заявление не было бы заявлением о толковании). Действительность или недействительность условного заявления о толковании как "заявления о толковании" таким образом не имеет конкретных последствий. Действительное или нет, предложенное толкование и авторитетное толкование договора являются идентичными.

12) Соблюдение или несоблюдение условий действительности заявления о толковании условным заявлением о толковании на самом деле не имеет никакого влияния на толкование договора. А вот соблюдение или несоблюдение условий действительности оговорок оказывает реальное воздействие на содержание договорных отношений (и даже на их существование) в случае, когда условное заявление о толковании фактически "ведет себя" как оговорка.

13) В поддержку этих замечаний можно отметить, что нет причин считать, что условные заявления о толковании подчинены тем же условиям действительности, что и "простые" заявления о толковании. Напротив, к ним применяются условия действительности оговорок, поскольку этот случай аналогичен случаю, когда речь идет о формальных условиях действительности⁷⁹.

14) В соответствии с решением, принятым Комиссией на ее пятьдесят четвертой сессии, руководящее положение 3.5.2 и комментарий к нему заключены в квадратные скобки в ожидании окончательной позиции, которую она займет по вопросу о месте, которое надлежит отвести условным заявлениям о толковании в Руководстве по практике⁸⁰.]

[3.5.3 Компетенция давать оценку материальной действительности условного заявления о толковании

⁷⁸ См. пункт 9 выше.

⁷⁹ См. проекты руководящих положений 2.4.5–2.4.8 и 2.4.10 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 10 (A/56/10)*, стр. 532–537; *пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/57/10)*, стр. 115–117; и *пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10)*, стр. 274 и 275.

⁸⁰ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/57/10)*, стр. 116–117, пункт 5 комментария к руководящему положению 2.4.7.

Правила руководящих положений 3.2–3.2.4 применяются *mutatis mutandis* к условным заявлениям о толковании.]

[Комментарий

- 1) С учетом замечаний по вопросу о действительности условных заявлений о толковании, правила, касающиеся компетенции давать ей оценку, могут быть лишь идентичны правилам, применяющимся к оценке действительности оговорок.
- 2) В соответствии с неизменной практикой Комиссии в отношении этих особых заявлений о толковании и в ожидании окончательного решения Комиссии относительно сохранения этого разграничения, проект руководящего положения 3.5.3 включен в Руководство по практике лишь в предварительном порядке – именно поэтому его текст и комментарий к нему заключены в квадратные скобки.]

3.6 Материальная действительность реакций на заявления о толковании

С учетом правил руководящих положений 3.6.1 и 3.6.2 одобрение, несогласие или переквалификация заявления о толковании не подчиняются никаким условиям материальной действительности.

Комментарий

- 1) Вопрос о действительности реакций на заявления о толковании (одобрение, несогласие и переквалификация) должен рассматриваться в свете рассмотрения действительности самих заявлений о толковании. Учитывая, что любое государство в силу своего суверенного права давать толкование договорам, участником которых оно является, вправе делать заявления о толковании, представляется бесспорным, что и другие договаривающиеся стороны также вправе реагировать на это заявление о толковании и что эти реакции, если таковые имеются, подпадают под те же условия действительности, что и заявление, которое является их объектом.
- 2) В целом, как и сами заявления о толковании, эти реакции могут оказаться правильными или ошибочными, однако это не означает, что они являются действительными или недействительными. Однако из руководящего положения 3.5 следует, что это не так, когда заявление о толковании запрещено договором или является несовместимым с императивной нормой общего международного права. Именно на эти гипотетические возможности и нацелены руководящие положения 3.6.1 и 3.6.2, касающиеся соответственно одобрения заявления о толковании и несогласия с таким заявлением. И это отражено в начале руководящего положения 3.6: "С учетом правил руководящих положений 3.6.1 и 3.6.2...".
- 3) Вопрос о действительности переквалификации заявлений о толковании представляется под несколько иным углом зрения. По сути, переквалификацией ее автор ставит под сомнение⁸¹ не содержание первоначального заявления, а его юридическую природу и режим, который должен к нему применяться⁸².

⁸¹ Он может поставить под сомнение *одновременно* и содержание переквалифицируемого заявления, заявив против него возражение; однако в этом случае переквалификация, с одной стороны, и возражение, с другой стороны, остаются самостоятельными видами умственной деятельности. На практике государства практически всегда сочетают переквалификацию и возражение против оговорки. Следует, однако, подчеркнуть, что одно дело переквалифицировать заявление о толковании в оговорку, и совсем другое –

4) Квалификация оговорки или заявления о толковании должна быть определена объективно с учетом критериев, которые Комиссия предусмотрела в руководящих положениях 1.3 и 1.3.1–1.3.3. В соответствии с руководящим положением 1.3:

"Характер одностороннего заявления, то есть является ли оно оговоркой или заявлением о толковании, определяется юридическим действием, на достижение которого оно направлено"⁸³.

5) Этот "объективный" критерий реализуется исключительно применительно к потенциальным последствиям заявлений в отношении договора, которые автор имеет в виду. Иными словами:

"определить преследуемую цель позволяет только анализ потенциальных – и объективных – последствий заявлений. Для целей определения юридического характера заявления, сделанного по поводу договора, решающий критерий основывается на достигнутом (или якобы достигнутом) результате формулирования этого заявления: если заявление влечет за собой изменение или исключение юридического действия договора или некоторых из его положений, то речь идет об оговорке "в любой формулировке и под любым наименованием"; если же заявление направлено лишь на то, чтобы уточнить или разъяснить смысл или значение, которые его автор придает договору или некоторым из его положений, то речь идет о заявлении о толковании"⁸⁴.

6) Не пытаясь предрешить последствия этих односторонних заявлений, можно со всей определенностью отметить, что они представляют собой один из элементов в определении юридического характера первоначально сформулированного акта, которым нельзя пренебречь: чтобы определить, идет ли речь о заявлении о толковании или об оговорке, эти заявления должны приниматься во внимание как выражение позиции сторон в договоре относительно характера "заявления о толковании" или "оговорки" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем автор переквалификации лишь излагает свое мнение по этому вопросу. Его мнение может оказаться обоснованным или ошибочным при применении критерия, содержащегося в руководящем положении 1.3. Однако это никоим образом не предполагает, что переквалификация является действительной или недействительной. Это два самостоятельных вопроса.

заявить возражение против "переквалифицированной" таким образом оговорки. Тем не менее следует обратить внимание на то обстоятельство, что даже в случае "завуалированной" (в заявлении о толковании) оговорки, которая с правовой точки зрения всегда была оговоркой, правила процедуры и формулирования, вытекающие из настоящего Руководства по практике, остаются в полной мере применимыми. Это четко свидетельствует о том, что государство, которое хочет произвести переквалификацию и заявить возражение, должно соблюдать правила и процессуальные сроки, применимые к возражению. Именно по этой причине во втором подпункте руководящего положения 2.9.3 уточняется, что государство или международная организация-автор должны вследствие этого рассматривать переквалифицированную оговорку как таковую.

⁸² См. комментарий к руководящему положению 2.9.3, пункт 5 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 278).

⁸³ Текст руководящего положения 1.3 и комментарий к нему см. *Ежегодник...* 1999 год, том II, часть вторая, стр. 125.

⁸⁴ Там же, стр. 126, пункт 3 комментария к руководящему положению 1.3.1.

7) Переквалификация независимо от своего обоснованного или необоснованного характера также не подчиняется критериям материальной действительности. Весьма обильная практика государств⁸⁵ свидетельствует о том, что договаривающиеся стороны считают себя вправе делать эти заявления, причем довольно часто для того, чтобы обеспечить целостность договора или подчеркнуть конвенционные запреты в отношении оговорок⁸⁶.

3.6.1 Материальная действительность одобрения заявлений о толковании

Одобрение недействительного заявления о толковании само по себе является недействительным.

Комментарий

1) Одобрением заявления о толковании его автор выражает свое согласие с предлагаемым толкованием и тем самым сообщает свою точку зрения относительно толкования договора или отдельных его положений. Государства или международные организации, которые формулируют одобрение, таким образом делают то же самое, что и автор самого заявления о толковании⁸⁷. Трудно понять, каким образом эта реакция могла бы быть подчинена условиям действительности, отличающимся от условий действительности, применимых к первоначальному акту.

2) К тому же, в Венских конвенциях (пункт 3 а) статьи 31) содержится ссылка на отношения между толкованием и его принятием, которые рассматриваются как "последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений"⁸⁸.

3) Таким образом, руководящее положение 3.6.1 ограничивается распространением правил, применимых к заявлениям о толковании, на их одобрение – здесь имеет место косвенная ссылка на руководящее положение 3.5.

4) Вместе с тем, вопрос о том, является ли толкование, предлагаемое автором заявления о толковании, с одной стороны, и принятое автором одобрения, с другой стороны, "правильным" толкованием и по этой причине способным породить желаемые участниками последствия как в отношении их самих, так и в отношении других сторон договора⁸⁹, все же отличается от вопроса о действительности заявления и одобрения. Первый из этих вопросов относится к четвертому разделу Руководства по практике, посвященному последствиям заявлений о толковании.

⁸⁵ См., в частности, пункт 4 комментария к руководящему положению 2.9.3 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 275-278).

⁸⁶ Особо красноречивый пример см. в реакциях ряда государств на «заявление о толковании» Филиппин к Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года (*Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, préc. note 13, chap. XXI, 6).

⁸⁷ См. также комментарий к руководящему положению 2.9.1, пункты 4-6 (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 266-267); см. также позицию М. Хайманн (*op. cit.*, note 53, pp. 119 à 123).

⁸⁸ См. пункт 5 комментария к руководящему положению 2.9.1, там же, стр. 267.

⁸⁹ Этот вопрос должен быть предусмотрен, в частности, в отношении статьи 41 Венских конвенций (Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками).

3.6.2 Материальная действительность несогласия с заявлениями о толковании

Несогласие с заявлением о толковании является недействительным в той степени, в какой оно не соответствует условиям материальной действительности заявления о толковании, изложенным в руководящем положении 3.5.

Комментарий

- 1) Действительность негативной реакции на заявление о толковании – несогласия⁹⁰ – подчинена соблюдению особых критериев не более, чем действительность заявлений о толковании и одобрения.
- 2) Такой вывод особенно очевиден в отношении несогласия, которое выражается в формулировании толкования, отличного от толкования, первоначально предложенного автором заявления о толковании. Нет никаких оснований подчинять такое "контрзаявление о толковании", которое лишь предлагает иное толкование договора или отдельных его положений, более жестким критериям или условиям действительности, чем первоначальное заявление о толковании. Хотя, как очевидно, в ситуации коллизии в лучшем случае⁹¹, одно из двух толкований может преобладать, оба толкования должны презюмироваться действительными до тех пор, пока в итоге не возникнет толкования, избранного участниками. К тому же вопрос о том, выражает ли одно из них (или ни одно из них) "правильное" толкование договора, есть отдельный вопрос, который не влияет на действительность таких заявлений; этот вопрос также относится к четвертому разделу Руководства по практике, посвященному последствиям заявлений о толковании.
- 3) Это также верно в отношении простого несогласия, в котором его автор выражает лишь свое отклонение толкования, предложенного в заявлении о толковании, не предлагая при этом другого более "правильного" с его точки зрения толкования. Вместе с тем, можно считать, что в подобных случаях никакой проблемы с действительностью не возникает; формулировка, избранная для руководящего положения 3.6.2, оставляет этот вопрос открытым.

⁹⁰ См. руководящее положение 2.9.2 и комментарий к нему (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/64/10)*, стр. 267-273).

⁹¹ Кстати, не исключено, что третья сторона не поддержит ни одно из предложенных в индивидуальном и одностороннем порядке сторонами договора толкований, если, по ее мнению, с учетом способов толкования из условий договора вытекает иное толкование. См., например, СИ, arrêt du 27 août 1952, *Droits des ressortissants des États-Unis d'Amérique au Maroc (France c. États-Unis d'Amérique)*, C.I.J. Recueil 1952, p. 211.